

Внутри дворца уже никого не осталось. Бай Чи вертела в руках серебряный колокольчик и неспешно направлялась к выходу.

— А-Чи!

Позади раздался громкий оклик. Голос был до боли знакомым. Бай Чи на мгновение замерла, но, узнав, кто её зовёт, сделала вид, что не расслышала, и продолжила идти прежним шагом.

Мужчина за её спиной быстро нагнал её и преградил путь. Высокий, статный, он потянулся к её запястью:

— Бай Чи!

Бай Чи ловко увернулась, и в шелесте её платья прозвучало холодное:

— Чу Хэн. Зачем ты идёшь за мной?

Чу Хэн застыл. В его глазах на миг промелькнула обида. Он стиснул зубы и опустил руку, оставшуюся ни с чем. Лицо, прежде напоминавшее чистый нефрит, теперь было искажено тенью досады.

— Раз ты знала, что это я, почему не остановилась?

Бай Чи оставалась невозмутимой:

— Мужчинам и женщинам не подобает лишний раз сближаться.

— Ты! — Чу Хэн покраснел от гнева, но с трудом подавил вспышку ярости. — Чепуха! Мы с тобой из одной секты, к чему эти глупые условности?

Бай Чи, не меняясь в лице, стояла на ступенях и смотрела на него сверху вниз.

— Ты действительно хочешь, чтобы я сказала прямо? — проговорила она. — Я не желаю тебя видеть. Так понятнее?

Чу Хэн внезапно побледнел. Ноги у него подкосились, и он невольно отступил на два шага назад. Разум его помутился — он не мог поверить, что эти слова произнесла Бай Чи.

— Поче... почему?

Наступал вечер. У дворца бродили лишь редкие ученики в серых одеждах, занятые уборкой. Проходя мимо, они украдкой поглядывали на двоих замерших людей. Бай Чи, стоявшая на нефритовых ступенях в лучах заката, казалась неземным видением — её невероятная, ослепительная красота сочеталась с холодным, отстранённым величием, словно она была существом из высших миров, далёким от мирской суеты. Но стоило ей открыть рот, как из него вылетали жестокие слова.

Едва уловимый вздох, сорвавшийся с её губ, казалось, тяжёлым камнем рухнул прямо на сердце Чу Хэна.

— Ты мне противен, — сказала она.

Чу Хэн, смертельно бледный, неотрывно смотрел на неё, наблюдая, как она безжалостно ранит его.

— Доволен?

Он стоял внизу, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехватки воздуха. Впервые он осознал: Бай Чи изменилась. Она стала какой-то чужой. Он почти забыл, какой она была в юности.

Бай Чи, которой действительно опротивел этот вид Чу Хэна — два воплощения прошли, а он ничуть не изменился, — обошла его и уверенно зашла вниз по ступеням.

Чу Хэн глубоко вздохнул и протянул руку, пытаясь её остановить.

— Учитель! — вдруг раздался сладкий девичий голос.

Благоухающая фигурка промелькнула мимо Бай Чи и с радостным возгласом бросилась в объятия Чу Хэна. Тот машинально подхватил девушку.

— Я так долго ждала вас на Пике Любования Луной, уже совсем стемнело, — Шэнь Чучу, уткнувшись в широкую грудь учителя, крепко обхватила его за талию. В её голосе слышалась обида. — Вы же обещали, что сегодня научите меня новому стилю меча.

Чу Хэн поспешно нацепил привычную маску холодности и принялся её успокаивать, но, видя, что Шэнь Чучу не спешит разжимать руки, почувствовал нетерпение.

— Подожди здесь, у меня ещё есть дела, — он грубо отстранил девушку, бросил пару дежурных фраз и поспешил вслед за Бай Чи.

Однако стоило ему обернуться, как площадь перед дворцом оказалась пуста — если не считать пары учеников с метлами, там никого не было. Чу Хэн быстро подошёл к одному из них и,

ухватив за плечо, глухо спросил:

— Где старейшина Бай Чи?

Ученик, давно состоящий в Секте Гуйюань, из-за прямолинейного характера был сослан на грязную работу во внешние покои. Почувствовав на себе холодный взгляд Чу Хэна, он лишь честно ответил:

— Ушла.

— Я знаю, что она ушла! — раздражённо бросил Чу Хэн. — Я спрашиваю, когда именно?

— А, это... — ученик простодушно почесал в затылке. — Да как только вы с той девицей начали миловаться, старейшина Бай сразу и ушла.

Шэнь Чучу, стоявшая позади, закусила губу, густо покраснев.

— Это моя ученица! Когда это мы миловались?!

— Учитель... — Шэнь Чучу робко дёрнула его за край одежды и заглянула в лицо. — Чучу...

Чу Хэн, и без того пребывавший в скверном расположении духа, в порыве ярости непроизвольно оттолкнул её руку.

— Ах!

Шэнь Чучу, не ожидавшая такого, тяжело упала на землю. Она прижала руку к груди, и от боли на глазах выступили слёзы. Чу Хэн, услышав вскрик, обернулся и, нахмурившись, помог ей подняться.

— Что с тобой?

— Больно... — Шэнь Чучу подняла заплаканное лицо. Она закатила рукав, обнажая ободранную до крови ладонь.

Маленькая, жалобная и миловидная, она смотрела на него так, что это невольно напомнило Чу Хэну юную Бай Чи. Не выдержав, он подхватил девушку на руки. Шэнь Чучу, словно испуганный оленёнок, не удержала тихого вздоха, а затем смущённо спрятала лицо у него на груди.

— Я отведу тебя к Мяо Синю.

С мрачным лицом Чу Хэн направился к аптекарскому павильону. Оставшийся позади ученик проводил их взглядом, поправил помятый воротник и проворчал:

— А говорил, не миловались...

Оставив Чу Хэна позади, Бай Чи направилась в аптекарский павильон. Она рассчитала время: старший брат Мяо Синь наверняка был на месте.

— Младшая сестра пришла!

Не успел мальчик-служка доложить, как послышался голос Мяо Синя. Он громко рассмеялся и поспешил навстречу:

— Как раз вовремя! У меня для тебя кое-что есть.

Бай Чи удивлённо моргнула:

— О?

Мяо Синь, статный мужчина ростом под восемь чи, одетый в простую чёрную одежду, с обветренным бронзовым лицом, обычно вёл себя развязно. Но сейчас он вдруг замялся, пряча руки за спину.

— У старшего брата нет при себе ничего ценного, поэтому... — он запнулся, не зная, как закончить, и просто протянул спрятанную руку.

На его грубой ладони лежал маленький нефритовый флакон зелёного цвета. Бай Чи замерла, в изумлении глядя на него. Мяо Синь не двигался, и, видя, что она не берёт подарок, слегка подался вперёд.

— Это... мне? — тихо спросила она, чувствуя, как пересохло в горле.

— Бери скорее, а то у меня рука затекла, — Мяо Синь усмехнулся, подражая её манере и иронично жалуясь.

Бай Чи приняла флакон. Она опустила голову, глядя на сосуд, и погрузилась в свои мысли. В лучах закатного солнца жидкость внутри флакона мерцала нежным изумрудным светом.

Глаза Бай Чи расширились. Это была Роса Цзиньчжи.

Роса Цзиньчжи — редчайшее сокровище, способное, согласно легендам, оживлять мёртвых и сращивать кости. Мало того, она даровала иммунитет к сотне ядов и продлевала молодость, из-за чего культиваторы были готовы охотиться за ней до конца своих дней. Создать её было невероятно трудно: требовалось собрать росу с веток дерева Цзиньчжи, растущего на отвесных скалах снежных гор, в час кролика, и делать это нужно было сто дней подряд, а затем смешать с множеством других редких ингредиентов.

Дерево Цзиньчжи было трудно найти, сбор росы был изнурительным трудом, не говоря уже о вложенных в изготовление силах. Почему старший брат так добр к ней? Глядя на шутливое лицо брата, Бай Чи почувствовала, как к горлу подкатил комок.

— Старший брат...

Увидев слёзы на глазах сестры, Мяо Синь засуетился, потянувшись рукой, чтобы их вытереть. Но, заметив мозоли на собственных пальцах и отсутствие платка, смутился и в нерешительности отдернул руку:

— Не плачь, не плачь!

Бай Чи, глядя на его растерянное лицо, не выдержала и прыснула со смеху, слёзы тут же отступили. Мяо Синь криво улыбнулся, но внутри был счастлив. Они выросли вместе, но после смерти отца Бай Чи, их учителя и бывшего главы Секты Гуйюань, им уже не доводилось проводить время вместе. А если и встречались, то лишь по делам секты. Они повзрослели, обросли амбициями и обязанностями — те дни беззаботной юности были безвозвратно утеряны.

Мяо Синь вручил Бай Чи кучу артефактов и пилюль, буквально выставив её за дверь под предлогом, что ей пора готовиться к завтрашнему отъезду. Бай Чи лишь беспомощно улыбнулась — он даже советовал ей взять побольше тёплых вещей, говоря о холодах на юге. Он всегда был грубоват и явно с трудом подбирал слова.

Как же она в прошлой жизни могла не замечать заботы старших братьев? Может, потому, что была слишком погружена в собственную печаль?

Она вдруг вспомнила, что из-за напористости брата так и не передала ему вещь, которую собиралась подарить, — подарок всё ещё лежал в её Кольце-Хранилище. Завтра они расстанутся, и неизвестно, когда снова увидятся.

Бай Чи, уже отошедшая довольно далеко, остановилась и повернула назад. Солнце скрылось за горами, на небе появилась тонкая дуга луны. Она хотела лишь отдать подарок и сразу уйти, но, подойдя к павильону, услышала кокетливый голос:

— Учитель, Учитель, подуйте на ранку...

Она замерла. Немного подумав, она позвала аптекарского мальчика.

— Старейшина, вы вернулись? — милостивый мальчишка подбежал к ней, сияя.

— Передай это старшему брату Мяо Синю, — Бай Чи протянула ему небольшую деревянную шкатулку.

Мальчик послушно принял подарок:

— Вы не войдёте, старейшина?

Бай Чи покачала головой с улыбкой.

— Понял! — мальчик вдруг оживился, огляделся и, понизив голос, заговорщически прошептал:
— Старейшине лучше не входить. Там дядя Чу.

Он презрительно скривился:

— И эта противная старшая сестра Шэнь Чучу тоже там.

Бай Чи рассмеялась и не удержалась, потрепав мальчика по голове.

— Почему она тебе не нравится?

Мальчик, вырвавшись, нахмурился с видом глубокого отвращения:

— Просто не нравится. От неё веет какой-то странной вонью.

Бай Чи приняла это за детскую болтовню и не придавала значения. Из павильона снова донёсся голос Мяо Синя, на сей раз с оттенком сарказма:

— Хорошо, что младший брат Чу пришёл так быстро, иначе рана бы уже затянулась.

Бай Чи торопилась, но к тому моменту, как она вернулась на Пик Малого Бамбука, было уже поздно. Сердце её сжалось.

И точно — у двери дома она увидела чёрного кота. Тот сидел на каменных ступенях, скрестив

передние лапы, и смотрел на неё полными укора зелёными глазами. Увидев её, кот вскочил, вильнул хвостом и пулей метнулся на крышу, мгновенно исчезнув из виду.

Внутри у Бай Чи всё похолодело. В голове крутилось лишь одно слово:

Конец.

<http://bllate.org/book/21962/2281872>